

Сезон дождей

1. Зброшенный дом

Жаркое декабрьское солнце светило в оба окна класса начальной школы, играя бликами на некогда лакированных, но уже изрядно потертых столах, покрытых сеткой мелких трещин, и одноглазых очках учителя Арчера, в спешке забытых им на дубовом столе. Бен смотрел на прозрачное стеклышко, положив голову на край стола и склонив ее. Через очки класс казался мутным и каким-то выпуклым. По краю стола лениво полз жук, иногда замирая в солнечном блике, будто чуя опасность. В отличие от Бена, жук не боялся учителя, и смело потрогал очки тонкой лапкой. Бену даже показалось, что он наступил на них.

- Наглый невоспитанный жук, - тихо сказал Бен, - сейчас придет учитель и накажет тебя.

Но Арчер все не шел, и жук безнаказанно устроился на дужке его очков. Зато Бен был наказан уже час и сидел в пустом, залитом солнцем классе, поглядывая на неспешно тикающие часы. Похоже было, что учитель просто забыл про него. Он был уже немолод, да и в прежние годы не отличался хорошей памятью.

В классе было восемь столов, и девятый, учительский, стоял напротив. Бен успел изучить тут всё, даже маленьких головастика в банке на подоконнике. В этом классе учились те, кому было уже за десять лет, но еще не исполнилось четырнадцати, как и самому Бену. На стенах были развешаны выцветшие плакаты, в двух шкафах у двери стояли несколько книг и баночки с замурованными зверьками, из которых Бен знал только пупырчатую жабу. Книги блестели новыми кожаными корешками (учитель Арчер лично обновлял переплеты каждый год): «Почвоведение», «Замеры и межевание», «Посев злаковых», «История и география Мира». Особенно скучной была тоненькая книжка над самым потолком – «Грамматика и числа». Некоторые хранили следы от пальцев и хлебные крошки между страниц после недавнего урока, кроме ненавистой «Грамматики», которой отводился не менее ненавистный четверг. Жаба безучастно смотрела на эту скромную библиотеку мутным глазом, а вторым уставилась на Бена, внимательно, словно осуждающе.

Над доской, как символ послеобеденного наказания, висела карта мира – почти ровный овал с отсутствующим, словно откушенным, куском в правой верхней части. В центре, занимая почти десятую часть карты, темнели кубики Ферм и раздвоенное у центра и сильно вытянутое с востока на запад озеро без названия, закругляющееся к югу и превращающееся в тонкую нитку на северо-восточных границах ферм и теряющееся в сплошном белом пятне на западе, а ниже жирнел чернильный потек, оставленный Беном около трех часов назад

на пожелтевшей от времени шершавой бумаге. Теперь он сидел и искренне сожалел, следя за стрелками медлительных часов.

Тук!

Мелкий камешек ударил в стекло, не оставив следа.

- Бен! Эй, Бен!

Громкий шепот раздавался из ближайших кустов.

Через мгновение оттуда показалась косматая голова.

Бен перегнулся через подоконник и забрал из худых пальцев протянутое ему яблоко.

- Спасибо, Ру, а ты что тут делаешь?

- Я за тобой. Учитель Арчер должно быть уснул у себя в каморке. Пошли домой. Но по пути зайдем кое-куда.

Бен окинул взглядом унылый класс.

- Нет. Я подожду. Проблемы будут. Думаю, учитель Арчер не обрадуется, если проснется и не обнаружит меня здесь. Еще, чего доброго, скажет родителям.

- Да перестань, он и не вспомнит завтра. Идем!

«Сомневаюсь», - подумал Бен. Карта предательски зияла своей кляксой над учительской доской, а совесть неприятно грызла где-то внутри, в области желудка. Часы подсказывали, что дома скоро ожидается ужин, а кислое яблоко Руперта только разожгло аппетит. К тому же, учитель действительно мог уснуть. Совесть перевернулась и заурчала на весь пустой класс.

- Ну, ты идешь? – подстрекал из кустов лохматый мальчишка в длинных шортах и рубашке неопределенного цвета.

Бен взобрался на подоконник и в последний раз с надеждой посмотрел на дверь. Вниз полетела увесистая школьная сумка, а затем и его босые пятки коснулись земли. Он оказался почти на полголовы выше Руперта.

- Бежим! – пятки Ру (только Бену позволялось безнаказанно так звать его, за исключением пары дней в году, к которым относился и его день рождения и день семьи Кимберли) перемахнули через низкий кустарник и побежали вдоль ограды по пыльной дороге, петляя между частых, но неглубоких выбоин.

- Подожди меня!

Бен старался успеть, но догнать мелкого шустрого мальчишку из всех живущих на Фермах могла, пожалуй, лишь его мама. Мама Руперта, конечно, не Бена.

- Ру, стой!

Они бежали по пустой улице в тени деревьев, отделивших дорогу от низких построек рынка, впрочем, сейчас пустого. Дорога вела от самой школы до здания Совета из красного кирпича на север и фактически разделяла восточные фермы от западных двумя почти равными частями. А в середине располагался рынок и роща, в которой можно было отдышаться и даже найти

приключения на остаток дня. Тут был маленький ручей, текущий на север и заросли дикого орешника.

- Слышал про Ллойда Ганн? Он выкупался в озере на прошлой неделе, а сейчас у него страшный насморк, и ему запретили ходить в школу целых пять дней. Счастливчик Ганн! Может, тоже пойдем на озеро?

- Боюсь, тебя мама заставит все пять дней пить горячий луковый отвар с гусиным жиром.

Руперт на секунду задумался.

- Это верно. Ладно, ну его это озеро. Тогда сразу за мной. Бежим, пока нас мама не увидела. Она как раз должна возвращаться от Корвинов, а ты сам знаешь, какое замечательное у нее зрение, особенно на меня.

Они побежали дальше, вверх по склону холма, на который взбиралась глинистая дорога, а спускалась вниз уже неаккуратной брусчаткой. Отсюда был виден весь центр и низкие ограды западных и восточных ферм, и даже далекий лес на севере. Вечернее солнце пекло им макушки, а под ногами гулко стучала сухая глина.

Бен прокручивал в голове события прошедшего дня отчасти затем, чтобы оправдать свой глупый поступок, но дерзкий побег от наказания учителя не давал покоя. Впрочем, сожалеть было уже поздно.

* * *

А еще пять часов назад он ковырял ногтем крышку стола и слушал монотонный голос учителя Арчера, иногда переходящий в хриплый кашель. В открытое окно вривалась дневная прохлада. Учитель склонился над столом и был похож на серого ворона в пиджаке. За это, ученики прозвали его Грач. Точнее, не совсем за это – несколько лет назад на ферме Корвинов в овине поселился настоящий дикий ворон, который никак не хотел улетать. Посмотреть на него вечерами сбегалась половина Ферм и не только детей, но и любопытных постарше. Ворон был черный как смола и его прозвали Грачом с легкой руки какого-то зеваки. А позже мы заметили удивительное сходство птицы с нашим учителем. Смеялись над этим тихо и добродушно – учителя Арчера все уважали, а лесного ворона любили.

Над очками учителя торчал чуб, черный на абсолютно седой голове. Периодически он опускал большой нос в платок и громко сморкался, а затем продолжал:

- Конфедерация Ферм была образована во втором году БО и изначально состояла из семи фермерских хозяйств. Основателями считаются семейства Корвин, Линквуд и Ганн, составившие Земельное соглашение к которому в последствии присоединились семейства..., - Арчер перешел на невнятное бормотание, окончившееся кашлем, - ...и Кимберли. С тех пор двенадцатое ноября считается днем основания Конфедерации и празднуется ежегодно. Еще две фермы присоединились к Конфедерации до конца года, двадцать четвертого и тридцатого ноября соответственно. Сейчас Конфедерация

насчитывает двенадцать ферм, принадлежащих тринадцати семействам. Господин Кимберли, скажите мне, какие семьи ведут общее хозяйство на одной ферме!

Руперт вскочил, смахнув со стола бумажный самолетик.

- Эмм... простите, учитель?

- Что вы там делаете, господин Кимберли? Надеюсь, не портите бумагу. Если так, то в этом месяце больше не получите ни листка и будете писать на собственной ладони, господин Кимберли! – Арчер перешел на крик. В классе стало тихо, и только робкая тонкая ручка тянулась из-за плеча Руперта.

- Да, госпожа Линквуд, мы слушаем вас.

Девочка лет одиннадцати в желтом платье встала, и ее волосы почти такого же цвета растрепались по плечам. Бен заметил, что впервые видит ее с распущенными волосами, хотя она, обычно, собирала их в косички с вплетенными в них цветными лентами. Изредка ее голову украшали живые цветочки, аккуратно вставленные в красивую и сложную прическу, которые не носил больше никто из девочек в школе, да и во всей Конфедерации, пожалуй.

- Учитель Арчер, Руперт хотел сказать, что семьи Колин и Фокс живут на одной ферме за рекой. Их день семьи празднуется в один день с днем основания. Мы ходим к ним в гости и едим яблочный пирог.

- Спасибо, Кристи. А вам должно быть стыдно, Руперт, вы с семьями Колин и Фокс дальние родственники! Садитесь!

Руперт сел на стол, уронив голову на локти, его веснушчатый нос сердито морщился.

- Тоже мне, - пробубнил он, - задал вопрос. Сам-то из семьи Фокс.

Кристи показала ему язык, но он не заметил, заметил Бен и засмеялся. Громче чем следовало.

Арчер гневно поправил очки.

- Вы что-то хотели, господин Китс?

Бен поднялся и показал пальцем на северную часть карты.

- Я хотел добавить, что ферма Колин-Фокс слишком велика и две ее границы не определены, поэтому семьи ведут хозяйство вместе. Когда-то фермы Колин и Фокс были самостоятельными, причем ферма Колин была втрое...

- Довольно, господин Китс! Спасибо.

Десять тихих смешков прорезали тишину класса. К большому облегчению всех, включая учителя, староста школы прозвенел медным колокольчиком. Закончился урок по истории и учитель Арчер, задав на дом доклад по генеалогии семьи Фокс, покинул класс.

- Кристи, ты страшная зазнайка! – выкрикнул Ру на весь класс, едва учитель скрылся за дверью. Он свесился с подоконника и громко дышал еще утренним прохладным воздухом. Бен сидел рядом и жевал яблоко.

Класс наполнился привычной суетой. Кто-то из младших задел Ру плечом, тот ответил дружеским пинком и завязалась легкая потасовка.

Старший сын Корвинов пытался в этом game договориться с Ру об игре в стрит (странную азартную игру местных мальчишек с цветными стеклышками) на следующей неделе. То место, где сидела Кристи, наполнилось разноцветными девчонками и их непонятным хихиканьем. Одна из них, веснушчатая Лиза Колин сидела прямо на парте и качала ногами, изредка поглядывая на Бена.

Бен отвернулся к окну.

Окна школы выходили на юг и отсюда можно было видеть извилистую тропинку, уходящую вперед насколько хватало глаз к самым границам ферм. Далеко на юге дымили трубы почти не различимых мануфактур, а еще дальше скрывался в тумане гребень Зубчатых холмов. По тропинке, зажав подмышкой портфель торопливо убегал учитель Арчер, надеясь успеть пообедать на ферме Линквудов до начала следующего урока. Бен вспомнил, как его маленьким брали с собой родители в поместье Линквуд на день урожая. Но Линквуды ничего не сажали на своих обширных полях, они занимались скотоводством и их бесчисленные стада бродили по пастбищам с востока на запад, поедая сочную траву. Иногда старшие братья отгораживали часть своей фермы и давали траве как следует вырасти. Их длинное, похожее на очень вытянутый прямоугольник, поместье было изрезано ограждениями, а в центре поля был даже маленький пруд для домашней птицы. В тот год Бен впервые увидел лошадь и очень испугался. Отец засмеялся и поднял его на руки. Он сказал, что лошади совсем не страшные, если они живут на пастбищах и не убегают на границу ферм, но Бен подозрительно смотрел на огромные белые зубы и вжимался в плечо отца изо всех сил.

- Бен, ты что уснул? Иди лучше сюда, посмотри, господин Арчер забыл свои карты. Они цветные, посмотри только.

Бен кинул огрызок в окно и подошел к столу, на котором уже орудовал Ру. Там лежала подшивка географических карт для старшего класса. Всем было известно, что учитель рисовал карты сам и делал это довольно искусно. Как учителю ему выдавали целых тридцать листов бумаги в год, вместо положенных десяти и большую часть из них он тратил на рисование карт и какие-то свои, только ему понятные заметки. Новые карты он приносил каждый год и раз в два месяца реставрировал старые, но никто никогда не видел у него цветных карт. Обычно это были черно-серые, украшенные красивым почерком схемы на желтоватых листах, но здесь бумага была почти белой, а карты, вместо обычных пояснений, украшали целые комментарии с цифрами и рисунками. Бен хотел заметить, что нехорошо копать на столе учителя, но оторваться уже не мог.

- Как думаешь, что это? – спросил Ру, осторожно царапнув краску ногтем.

- Должно быть, заказывает на мануфактурах, - предположил Бен.

- Дорогая значит штука. Для старшего класса. Везет же брату.

Брат Руперта Рик учился в старшем классе и был одним из трех его братьев, согласившимся продолжить учебу в старших классах. Остальные предпочли работу в поле, пока самый старший - Майкл не сбежал на мануфактуру. С этого времени Рик пришлось частенько пропускать занятия – ферма Кимберли была большой.

Ру осторожно перевернул цветной лист. Следующий был еще красочнее, но уже почти без пометок. Там была тщательно прорисована южная граница, а кубики мануфактур выделялись тенями и смотрелись очень красиво. Редкие изумрудные пятна лесов покрывали склоны самого крупного холма, для которого никто так и не придумал названия. Крохотная ручка легла как раз между безымянным холмом и медными рудниками.

Ру поднял глаза. Кристи немедленно сложила ручки на груди и сердито смотрела исподлобья.

- Я расскажу учителю! – пригрозила она.

- Сгинь, мелочь, - огрызнулся Ру. Но она больно стукнула его в бок и даже попыталась пнуть по ноге, и никуда не уходила.

- Бен, скажи ей!

Бен вздохнул, нагнулся, поскольку она была почти на голову ниже. Кристи все еще дула губы, но в уголках ее глаз уже сложились тоненькие морщинки, какие бывают у взрослых, когда они смеются.

- Кристи, мы просто посмотрим картинки, хорошо? Мы их не испортим, я обещаю тебе. Если учитель узнает, мы попросим прощения. Я попрошу. Хорошо?

Кристи промолчала. Её щеки были розовыми. Для подкрепления авторитета Бен дал ей запасное яблоко. Подумав немного, она отошла к окну и громко захрустела приобретенным фруктом.

- Молодчина, Бен, - похвалил Ру, - посмотри вот сюда. Тут видны даже наши дома. Но вот тут кое-что совсем интересное.

- Эй, Ру, что там? – сын Корвинов отвлекся от разминочной игры с Эдом Ганн на подоконнике, где вместо настоящих игровых стекол – гласов - использовались цветные камешки, и направился к столу. Ру мгновенно оказался между столом учителя и любопытным Корвином и выставил грудь колесом. Он был на голову ниже, но из его глаз, казалось, сыпались искры.

- Не твоего ума дело, Корвин. Учись кидать камушки, пока не отыграешься!

Корвин еще постоял секунду, потом шагнул назад.

- Чего ты, я же просто спросил, - обижено промямлил Корвин.

Девчонки в углу снова захихикали, кроме Кристи, экономично дожевывающей огрызок яблока.

- Вот-вот и иди к дружочку своему, - Ру брезгливо кивнул на Эда.

С видом победившего в хлебной битве воробья он вернулся к Бену.

- Отгоняй всех, особенно девчонок, - предупредил он, - и посмотри вот сюда!

Бен взглянул на следующий, тоже цветной, лист и не поверил глазам. Казалось, что на знакомой местности все перепутано. То есть все оставалось на местах, но было немного не таким. Небольшое южное озеро исчезло, мануфактуры немного сжались и отодвинулись от холмов, но интереснее всего были фермы. Фермы Колин-Фокс разделяла жирная косая полоса и верхняя, большая, часть была окрашена в фиолетовый цвет. На ней было написано «Колин». Маленькая желтая территория «Фокс» жалась к берегу центрального озера и более узкой, чем ей положено дороге. Ферма Ганн была идеальным прямоугольником с урезанным углом, без того языка к воде, который значился на официальных (черно-белых) картах.

- Эд, я знал, что вы воры, - крикнул Ру в класс. Раздались смешки. Мальчик в черном свитере свирепо засопел носом.

Дальше на восток карта была уже совсем не узнаваемой. В том месте, где сейчас сходились границы четырех земель, в том числе поместий Ганн и Линквудов пурпуром был нарисован косой ромб с жирной точкой усадьбы на северо-западе. В центре значилось уже совсем невероятное – Ферма Клаус. Сверху карты значилось «Нулевой год».

Мальчишки замерли, глядя друг на друга. Насколько было известно, никто и никогда из трех учителей школы не преподавал историю ранее начала основания Конфедерации ферм. Все, что было ранее, мало волновало любого из жителей поместий, особенно в минутных промежутках между вспашкой земли и ремонтом техники и построек. И уж точно этого не преподавали в старшем классе, где большая часть уроков была посвящена земледелию, замерам и архитектуре. К тому же, за окном благополучно шел сорок девятый год Б.О.

- Бен, ты понимаешь, что мы нашли?

Если ферма Клаус и существовала, располагалась она на тех землях, которые сейчас принадлежали целым четырем семьям. Невозможно было предположить, что в какой то миг исчезло целое (судя по карте немаленькое) семейство, ни оставив после себя ничего, кроме пурпурного ромба на старой карте учителя. Семьи всегда казались Бену чем-то незыблемым и вечным, и даже собственная маленькая семья, в которой кроме него самого больше не было детей, представлялась ему вековым монолитом, богатства которого должны сохраняться и множиться в тех же границах. И вдруг оказалось, что фамилия может просто исчезнуть, а земля быть разделенной между соседями...

- Стой, а что если это просто выдумка господина Арчера?

Ру пожал плечами. Эта мысль казалась ему еще более нелепой. Учитель был очень занятым человеком и даже как все работал на земле в свободное от занятий время.

- Бен, подумай, это пропавшая ферма. Это находка на миллион.

Ру не знал что такое миллион, но всегда так говорил, вероятно, услышал новое слово от взрослых. Он аккуратно закрыл цветные карты и разровнял все предметы на столе учителя Арчера.

- И если она существовала в самом деле, то ее дом должен находиться...

- Здесь! – Бен ткнул пером в серую карту над доской. Предательский потек заскользил по желтоватой бумаге. Через несколько минут в дверях появится господин Арчер и почему-то сразу посмотрит на стол на забытую папку, а затем на карту над доской.

А потом Бен будет разглядывать жука, ползущего по очкам учителя, пока не услышит голос Ру за окном.

* * *

Вечер дышал зноем и пылью. Руперт и Бен все дальше убегали от школы. Бена все еще переживал и за не отбытое наказание и за испорченную карту учителя, но больше всего за невыполненное обещание помочь отцу с ремонтом крыши после школьных уроков. Ру не очень беспокоился о таких мелочах.

За городским амбаром, между стеной и забором фермы уже толпилось четверо ребят. Один из них в желтых шортах тряс в сложенных ладонях глясы – неизменную валюту всех мальчишек западных и восточных ферм. К его воротнику был прикреплен крупный кусочек стекла синего цвета почти треугольной формы – счастливый гляс и одновременно символ чемпиона. Только лидеры недели имели право носить любимые глясы на одежде, торопливо прикрывая их рукой при приближении старших. Остальные же прятали свои игровые стекла и маскировочно играли в нижний футбол после школы, пока один из лидеров не объявит место и время игры.

- Долго ходишь Руперт. Глянь и Бена с собой притащил. Он все равно не играет.

- Я ненадолго, - сказал Бен.

Парнишка в шортах смерил его оценивающим взглядом. Перед ним лежала кучка глясов – небольших цветных стеклышек. Ценились глясы отшлифованные, которые уже не могли порезать пальцы. Раньше их – еще острые осколки – пытались закапывать в песок на берегу озера, чтобы вода сточила острые края. Но это было очень рискованно – большая часть пропадала на дне навсегда, другие же могли достаться любителям погулять по берегу в свободное время. К тому же, как оказалось, шлифовка глясов водой – более длительный процесс, чем думали десятилетние мальчишки. Потому сейчас глясы шлифовали вручную плоскими камнями, рняя руки и предвкушая зависть одноклассников. Говорили, что однажды Ллойд Ганн соорудил у себя в сарае целую шлифовальную машину – вращающуюся канистру с речным песком и поставил производство глясов на поток, пока отец не добрался до него и машины. Конечно, это было не более чем легендой,

по крайней мере, Бен сомневался в эффективности подобного изобретения, а вот большинство его сверстников охотно верили и завидовали сообразительности Ллойда Ганн.

И все же самые ценные были глянсы отшлифованные водой. Их иногда находили на берегу, неизвестно когда и кем брошенные в воду, может десяток лет назад, а может и просто случайно оказавшиеся в озере. Они передавались от старших братьев младшим и хранились в специальном мешочке на поясе, где взрослые хранят медные и бронзовые монеты. У Бена их никогда не было, как не было и старших братьев.

Ру присел на корточки перед остальными и выложил на землю свои сокровища – четыре цветных стеклышка. Одно никуда не годилось – его угол был все еще острым (видимо Ру не очень усердно отнесся к работе).

- Руперт ставит три! – объявил парень в шортах.

- Ничего подобного! Два. Потом еще два.

Они начали странную сложную игру, в которой поставленные глянсы отдавались арбитру. Тот тряс их и бросал на землю. Владелец ближайшего к ноге арбитра гляса начинал игру – выбор стеклышек через дальние «ворота», образованные другими глянсами, но шириной не более длины указательного пальца арбитра. Выбитые глянсы трижды подкидывались на переворачиваемой ладони и оставшиеся считались добычей игрока. Игра называлась «стрит» и в ней было огромное количество правил, в которых Бен даже не пытался разобраться, но основные условия игры знал – выучил, сопровождая Ру по всевозможным турнирам и «дружеским» матчам. А еще он знал, что за участие в этой игре (будучи застуканным кем-то, из взрослых) можно угодить на неделю домашнего ареста с работой в поле, а глянсы отправятся на дно городского колодца, у которого, как говорят, нет никакого дна.

- Эй, да это мой гляс был! Ты посмотри, видишь краешек сколот! Я начинаю.

- Ах сколот! Тогда ставь другой...

- ...у тебя палец длиннее, ты левой бьешь..

- Не верьте ему, он вообще левша!

- Три ставлю!

Игра шла своим ходом. Часовой стоял на углу амбара и просматривал улицу в оба направления на предмет взрослых. Не играющего Бена быть часовым не просили – ему не верили.

Солнце большим красным шаром катилось к горизонту и уже почти касалось ограды западных ферм. Он позвал Ру, но тот не откликнулся, увлеченный игрой. Они уже давно сняли рубашки, подставив солнцу загорелые спины и стучали пальцами по земле, от чего уже поднялось облачко пыли.

- Ставь еще!

- ...не растягивай пальцы. Это не по правилам!

- Замена арбитра!

Ру подошел через четверть часа. Натягивая рубашку. Его лицо было злым.

- Есть глясы? – хрипло спросил он.

- И не было никогда. Может, пойдем отсюда? Я отцу обещал...

- Пожалуй. Мне нужно машину как у Ллойда Ганн. Тут по честному нельзя. Они пальцы растягивают. Понимаешь? Да ничего ты не понимаешь.

Парнишка в шортах тряс стекляшки и злорадно улыбался. Кучка у его коленок заметно выросла. Ру едва не наступил на него, проходя мимо. Нечаянно, конечно. У выхода на улицу их пропустил часовой и осмотрел улицу в оба конца.

- Ничего, завтра еще повезет. Не все сразу. Ночью попилю пару стекляшек маминой пилкой для ногтей.

Бен ужаснулся, представив, как Ру поймают за этим занятием.

- Может кирпичом?

- Нет, долго.

У края амбара стоял Ллойд Ганн. Он не выглядел больным после купания и даже прибавил ширины в плечах после маминого лечения. На нем был черный тонкий свитер, явно узковатый для не по годам широкой спины. Он медленно сжимал и разжимал кулаки и явно не намеревался делиться чертежами машины для производства глясов.

- Назвал моего брата вором, Руп?

Ру вздохнул и отлетел к стене амбара. Через секунду Бен последовал за ним, не найдя на теле Ганна уязвимых мест.

* * *

«Дин-дон» - пробили старые напольные часы, но спать совсем не хотелось. Бен стоял на балконе и смотрел, как сияет в небе единственная звезда. По полям полз туман, и становилось прохладно. Пришел отец и набросил на его плечи плед.

- Не спится? - спросил он.

- Думаю про господина Арчера. Испортил его карту, над которой он старался наверно не один день. И сбежал...

Отец промолчал. Бен не ждал, что он будет ругаться, но и слов утешения тоже не ждал. Отец редко ругался в принципе и никогда на Бена, что всегда пугало его. А особенно пугало молчание, за которым могло скрываться все что угодно. Но отец не уходил с балкона, и это было важно. Они смотрели на звезду.

Их поместье располагалось к северу от озера, и южная его граница проходила по песчаному берегу. Озеро медленно перекачивало свои воды от берега к берегу и где-то в его глубине плескалась рыба. А на